

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ СЕРИИ

САРА ДЖИО. ЕЖЕВИЧНАЯ ЗИМА

САРА ДЖИО. ТИХИЕ СЛОВА ЛЮБВИ

САРА ДЖИО. ФИАЛКИ В МАРТЕ

САРА ДЖИО. СОЛЕННЫЙ ВЕТЕР

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. БАБЬЕ ЛЕТО

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. РОДНЫЕ ЛЮДИ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ТАКОВА ЖИЗНЬ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЛЕГКО НА СЕРДЦЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ДНЕВНИК СВЕКРОВИ

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ. ЛАЗУРЬ НА ЕГО ПАЛЬЦАХ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ЦВЕТЫ
И ПТИЦЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление
Валерии Кольшевой

В оформлении обложки использована фотография:
© Batkova Elena / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Метлицкая, Мария.
М54 Цветы и птицы / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо,
2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-122545-2

Предательство близкого человека — самое страшное, что может случиться в жизни. Но, увы, никто от этого не застрахован. И подготовиться к этому, подстелить соломку — невозможно.

Конечно, такой удар — проверка на прочность, и далеко не все могут с ним справиться. Для этого нужно очень любить жизнь и, как ни странно, любить себя.

Героини Марии Метлицкой трудно и мучительно переживают эту трагедию. Но — переживают. Потому что жизнь продолжается, пока мы живы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122545-2

© Метлицкая М., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Цветы и птицы

Каринка, как всегда, кричала. Впрочем, чему удивляться? Так проявлялась горячая армянская кровь. В Каринкиной семье никогда не разговаривали на полутонах. Там всегда было шумно — и в радости, и в горе. Аня морщилась от ее громкого голоса, отодвигала трубку от уха — пережидала. Знала, подруга накричится и успокоится. Так бывало всегда.

Однако сегодня Каринку несло.

— Слушаешь? — периодически сурово уточняла она.

Анна торопливо отвечала:

— Да-да, конечно! А что же я делаю, по-твоему, господи?

Карина недоверчиво усмехалась:

— С тебя станется!

Анна слушала. Разумеется, слушала. Морщилась, кривилась, но слушала. И понимала — подруга права.

Наконец та замолчала, громко выдохнула и произнесла последнее:

— Ну? Какие действия?

Каринка была человеком действий, кто спорит? А Анна... Анна уж точно таким человеком не была.

— Ну... А каких действий ты, собственно, ждешь? — И торопливо, боясь гнева подруги, добавила: — Нет-нет! Я поняла! Ты, конечно, права! Только... Мне надо подумать.

Каринка опять взорвалась:

— Подумать? Ну да, разумеется! У тебя же совсем не было времени, чтобы подумать! Ты же так занята, правда? Спасибо, что хоть на этот разговор время нашла!

Анна пыталась подругу остановить, понимая, что это труд напрасный и пока Каринка не выскажется, не замолчит.

И все же примирительно сказала:

— Кар, да я все поняла, успокойся! И повторяю, ты, конечно, права. Просто... Это же такое дело... Ну как так — с обрыва? Надо прикинуть, посчитать, наконец. Дело-то очень серьезное.

Каринка перебила:

— Слушай, а у тебя вообще деньги есть? В смысле — отложены?

— Да-да! — заторопилась Анна. — Конечно, а как ты думала? Ты же знаешь меня, я осторожная и аккуратная. И еще — такая трусиха!

— Я не имею в виду деньги на твой обезжиренный кефир и на УЗИ желудка — я имею в виду деньги, Ань! Ты поняла?

Пока Анна медлила с ответом, Карина ответила сама:
— Господи, да о чем я? Что я у тебя спрашиваю? Совсем рехнулась. Какие деньги? Ну какие у тебя могут быть деньги? Нет, это я, Ань, дура, а не ты!

И она замолчала.

Анна тоже молчала, прикидывая, что тут можно ответить. Точнее — соврать.

— В общем, так! — снова вступила Карина. — Путевку я тебе оплачиваю. И никаких возражений! Ты меня знаешь, как я сказала, так и будет! Путевку оплачиваю, а уж все остальное — сама! И кстати! Путевка — это не благотворительность, это подарок на твой юбилей! Мне так проще, не надо голову ломать: раз — и все, я свободна. А, красота? — Теперь голос Карины чуть поутих, стал мягче. Она понимала, сейчас начнутся баталии.

Анна задохнулась от возмущения:

— Ты спятила, Кар? Какие подарки, какой юбилей? Я вообще о нем не думаю, вообще забыла! Ты же знаешь, как я отношусь ко всему этому — как я ненавижу свои дни рождения! А уж юбилеи эти... Нет, ты правда рехнулась!

— Ага, — беспечно согласилась Карина, — рехнулась. Короче — хочешь мне облегчить жизнь? Тогда — соглашайся.

И совсем умоляющим голосом добавила:

— Ань! Ну ты же знаешь — мне это вообще ничего не стоит!

Анна вспыхнула и оборвала разговор:

— Все, Кар! Ты меня услышала. Закончили, все. А над твоим предложением я подумаю, обещаю! — со смехом добавила она. — Слышишь, о-бе-ща-ю! — И положила трубку.

Обе понимали — разговор не закончен. Они слишком хорошо знали друг друга.

Анна потеряла горящие от возбуждения и возмущения щеки и прошла по комнате. Нет, Каркино предложение — что говорить? — мечта. Сказка. Но были ли? Денег, конечно, не было. Нет, они были, но разве это деньги? Каринка права — на обезжиренный кефир и УЗИ. На другое не хватит. А уж на поездку в Италию... Смешно.

На всякий случай Анна залезла в заначку, как будто там что-то могло измениться. Сумма была ей известна до копейки. И прибавиться ничего не могло. Она быстро пересчитала жалкую пачечку долларов и вздохнула. Нет, ничего не получится. К тому же в Италии — евро, а он дороже доллара. И это означает только одно — денег еще меньше.

Она убрала деньги обратно. Нет, и думать нечего! Да и вообще — подумаешь, мечта. Мечта на то и мечта, чтобы оставаться мечтой и не делаться былью.

Анна Валентиновна Березкина, вдова пятидесяти четырех лет — через два месяца пятьдесят пять, — села в кресло и закрыла глаза.

В последнее время, а точнее в последние полгода, она была совершенно свободна. Дела закончились. Хо-

тя, если разобраться, свободна она была всю жизнь. Но теперь это было определено и окончательно — она могла подолгу лежать на диване, сидеть в кресле, смотреть телевизор, читать журнал или книгу. Подолгу пить чай и смотреть старые фото. Болтать по телефону. Правда, болтать было особенно не с кем, да и, честно говоря, неохота. Только с Каринкой. Но это уже судьба. Короче, она могла вообще ничего не делать.

Она могла не готовить обед и ужин, а также завтрак. Могла не варить бесконечный кофе и заваривать крепкий чай. Могла не мыть кисти, не складывать подрамник и краски. А еще не звонить заказчикам и галеристам. Не гладить рубашки и брюки. Не вытирать бесконечно, по сто раз на дню, пыль — в доме больше не было аллергиков.

В доме вообще больше никого не было. Кроме нее, Анны Валентиновны. Потому что ее муж, Игорь Березкин, умер и она стала вдовой. Потому что закончилась старая жизнь и началась новая. Анна Березкина осталась абсолютно одна. Одна на всем белом свете — Каринка не в счет. Ни родителей, ни детей у Анны Березкиной не было. Да и с родней было не очень — хотя, может, это и хорошо?

Анна Березкина всегда принимала действительность так, как ее преподносила судьба. И никогда не роптала. Никогда. Ни разу в жизни. И даже наоборот — считала себя счастливым человеком.

Вот уж воистину — прекрасное свойство природы! И вправду счастливая — ни на кого не обижена и за все благодарна. Счастливица, верно?

Нет, разумеется, она не воспринимала уход мужа как счастье — господи, да о чем вы? Это было огромное, бесконечное и безбрежное горе — столько лет вместе, вся жизнь. Вся ее жизнь — это Игорь Березкин. Которому верой и правдой она прослужила тридцать четыре года.

Всю жизнь она жила *во имя. Ради. Для.* Для него, во имя него, ради него. Он был талант. Большой талант. Большой и, кстати, всеми признанный — что тоже не пустяки.

Анна была «при». При великом муже. Тень, дух, отсвет, отражение, отблеск. Была почти бесплотна и даже гордилась этим. Двух гениев в одной семье не бывает! Эта фраза стала ее лозунгом, идеей фикс, девизом и смыслом жизни — служить гениальному мужу. Служила она ему верно и рьяно. С собачьей преданностью, как говорила Карина.

С его уходом Анна потеряла все. Потеряла сам смысл жизни — вот что было страшно. Она почти не выходила из дома, только в магазин за самым необходимым. Ни в театр с Кариной, ни в кино. Никуда. Никаких развлечений и увеселений. Впрочем, какие увеселения у немолодой женщины, всю жизнь живущей жизнью другого человека? Она давно отвыкла от себя и от своих желаний. После ухода Игоря, Гарика, как она его на-

зывала (по его, кстати, просьбе), Анна Валентиновна, тихая и скромная, выдержанная и невозмутимая, неконтактная, совершеннейший интроверт, совсем замкнулась в себе. Общалась только с Каринкой — ну тут уж, как говорится, распорядилась судьба. Всю жизнь рядом — вместе с детского сада до институтской скамьи и дальше. Никогда они не терялись, надолго не расставались, серьезно, до трагического разрыва, не ссорились, несмотря на категорически несхожие характеры, противоположные судьбы и вообще непохожие во всем, включая социальное и финансовое положение.

Говорят, что мужчина — это судьба в жизни женщины. Но и подруга бывает судьбой, вы уж поверьте.

Первая встреча девочек состоялась под ноябрьские праздники в детсаду «Елочка» под бравурный марш чокнутой музработницы. Нарядные дети, держась за руки, входили в актовЫй зал и вставали полукругом вокруг композиции, любовно составленной все той же чокнутой музработницей — искусственный венок из пластиковых листьев, почти кладбищенский, увитый алыми лентами и транспарантом «Слава КПСС! С великим праздником революции, дорогие друзья!». Дети ничего не понимали, были напуганы, сбивались с ноги, спотыкались, жались друг к другу, толкались плечами и по очереди начинали рыдать — музработницу они боялись, куплеты тут же позабыли и очень хотели к родителям, сидевшим на стульях напротив. Но никто к ним не рванул — музработница, сурово сдвинув брови, исподтишка погрозила

малышне кулаком. Все кое-как разместились и недружно завывли: «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

Родители каменели от ужаса происходящего: пластиковый венок, криво написанный транспарант и на- смерть перепуганные дети — вот уж кошмар так кошмар! Вдруг одна девочка, высокая и толстая, вырвалась из нестройных рядов запевал и бросилась к матери, такой же черноволосой, полной и яркой женщине, в крупных и длинных серьгах и красном шелковом платье. Женщина прижала девочку к груди, утерла ей слезы и, взяв за руку, резко и решительно вышла из актового зала, бросив у двери гневный и красноречивый взгляд прекрасных горячих восточных глаз на горе-музыкантшу. Мотнув красивой головой, с возмущением произнесла:

— Господи, детям — и такую чушь! Вы совсем обалдели!

Музыработник смутилась, залилась свекольной краской, и ее крупные рабочие руки повисли над клавишами. Она заморгала глупыми и блеклыми глазами:

— Что это, как? Кто посмел? Посреди праздника?

И родители, и воспитатели, и дети проводили оставших растерянными взглядами. Воцарилась тишина.

Но тут сообразительная заведующая взмахнула рукой:

— Продолжайте, Раиса Петровна, не обращайтесь внимания!

И праздник пошел своим чередом.

На следующее утро толстую чернявую девочку Аня встретила в раздевалке. Та внимательно, по-взрослому, посмотрела на заробевшую Аню и наконец со вздохом сказала:

— Ну что, будем дружить? Я Карина.

Аня захлопала глазами и тут же кивнула: она вообще не умела отказываться. Новая подруга взяла ее за руку, слегка дернула и вопросительно посмотрела на нее:

— Ну чего встала? Идем?

Анечка закивала и быстро засеменила вслед за новой подругой. Уже тогда, в раннем детстве, она была ведомой, и эта роль ее ничуть не угнетала — каждому, как говорится, свое.

За завтраком сидели парами — мальчик с девочкой, детей рассаживали воспитатели. Но новая подруга решительно села рядом с Анечкой, отпихнув конопатого и тишайшего, влюбленного в Анечку и мгновенно заревевшего Вову Кулакова.

— Она будет сидеть со мной! — сурово объявила Карина.

Обалдевшая Анечка снова покорно кивнула. Правда, и Вовку ей было жаль. Но что поделать? Спорить с Кариной смысла не было — в свои неполных пять лет она поняла это сразу, в ту же минуту. Поняла и усвоила навсегда. Так началась их дружба.

Кажется, хмурую и очень бойкую девочку побаивалась даже воспитательница — по крайней мере, есть манную кашу Каринку не заставляли, в тихий час над ее

кроватю с суровым взглядом не стояли и не заставляли Каринкину мать завязывать дочери на праздники капроновые банты — какая безвкусица, господи!

Позже выяснились подробности. Каринка жила в том же доме, что и Аня. Только Аня жила давно, сто лет, с самого своего рождения, а Каринка переехала туда совсем недавно — месяц назад. Дом стоял полукругом, и оказалось, что квартиры девочек строго напротив — на пятом этаже окна Анечки, на шестом — квартиры Каринки. Окна в окна. Каждое утро, и в будние дни, и в выходные, и в праздники, и в каникулы, строго соблюдался ритуал: в восемь утра — приветствие, свидание у окна. Ну а уж в дальнейшем была разработана система опознавательных знаков: три взмаха — все ок, через полчаса во дворе. Четыре — не, попозже, дела. Ну и пять — сегодня никак, увы!

Каринка жила с матерью и дедом с бабкой. Все ученые-биологи. Дед, бабка — профессора. Мама, та самая строгая, яркая и красивая женщина в крупных серьгах, Нуне Аветисовна, — тоже профессор.

Дед, Аветис Арамович, считался в семье главным. Его боялись и с ним считались. Даже суровая Нуне, его дочь, старалась с ним не связываться. А уж его жена, бабушка Каринки, Нина Константиновна, та вообще помалкивала. «В этой армянской семье я бесправна!» — восклицала она, возводя глаза к потолку.

Лет в двенадцать Каринка открыла Ане страшную тайну: «Бабка боится деда? Да ты о чем? Это она делает

вид! Все делают вид — и мама, и я. А на деле — всем заправляет бабка Нина! Крутит им, как коровьим хвостом. Уж ты мне поверь!»

Аня, привыкшая к тишине и разговорам вполголоса, вздрагивала, попав в шумный дом. Каринка смеялась: «Привыкай! Итальянский двор, а не семья — здесь говорить тихо никто не умеет. Здесь даже молчат громко! Ха-ха».

И вправду, все говорили так, что поначалу Анечка пугалась: скандал? Нет, не скандал — отношений не выясняют, просто что-то по-семейному обсуждают. А если и выясняют отношения, все равно это не скандал и не ссора — это нормально, это забота. Это любовь.

Нина Константиновна, например, всегда возмущалась: «Я, между прочим, тоже профессор и доктор наук! А вожусь целый день у плиты — подай, принеси, убери. Я не прислуга, вы меня слышите? Я — самостоятельная единица!»

«Единица! — хмыкал дед и со смешком добавлял: — Принеси-ка мне чаю! И с бутербродом. Обед у вас не дожدهшься!»

И Нина Константиновна, ворча и сетуя, тут же несла мужу чай.

Про обед это тоже вранье — обед в семье был. Всегда. И какой! В доме всегда вкусно пахло — травами, пряностями, специями, мясом и крепким бульоном.

Нуне, мать Каринки, целыми днями пропадала в университете, где преподавала. Аветис Арамович ездил

в свой институт три раза в неделю — за ним приезжала «Волга» с водителем, и бабушка Нина торжественно выводила его во двор — уже тогда он страдал артритом и ходил тяжело. Нина Константиновна смахивала ладонью невидимые пылинки с черного костюма мужа и поправляла галстук. Тот раздраженно отмахивался, ворчал и гнал жену домой. Но глаза его были полны любви. А она оставалась во дворе до последнего — пока черная «Волга» не скрывалась за поворотом. Тогда она крестила вслед воздух и, тяжело вздохнув, шла к подъезду, бормоча по дороге: «Ну, слава богу! Хоть передохну пару часов».

Но отдыхать ей было некогда — хозяйство. Она бесконечно готовила, убирала, стирала и гладила. Работала она — писала статьи в научные журналы и рецензии на диссертации — по ночам, «когда все уgomонились и оставили меня наконец в покое».

Каринкиного отца Аня никогда не видела. Лет в четырнадцать осмелилась спросить. В ответ услышала: «Да и я его ни разу не видела! Нет, конечно, он был, существовал — ну не от святого же духа я родилась. Только ничего у них с Нуне не получилось — даже женаты не были, насколько я знаю. Так, случайная связь. Отец для меня — дед, ты и сама знаешь. Кто он, мой отец? А черт его знает! Вроде какой-то дедов аспирант. А может, и нет. Подробностей я не знаю — эта тема в семье закрыта. Да и меня, если честно, это не особенно волнует — раз его нет в моей жизни, значит, дрянь

человек. Нормальный ведь от ребенка не отказался бы, верно?

У Ани все было по-другому. Семья была полной — и мать, и отец. Оба были людьми тихими, незаметными — инженеры-проектировщики, работали в одном КБ. Жили скромно и скучно — гости бывали редко, в отпуск ездили в пансионаты по профсоюзной путевке, радуясь дешевизне. Ну и в санатории — Ане казалось, что лечились они всегда. Нет, пару раз съездили к родне отца в Кострому — вот и все воспоминания из детства. Позже Аня поняла — и мать, и отец были людьми неинтересными и скупыми, вечно что-то откладывали, сберегали.

В семье была любимая фраза:

— Этого мы себе позволить не можем!

Произносилась она, что удивительно, с большой гордостью.

«Дорого и неразумно» было принимать гостей. Шить на Новый год новое платье ни к чему — еще и старое вполне ничего, подумаешь, праздник! Дорого ходить в театры. А уж про кафе смешно говорить! Неразумно покупать новые сапоги — старые можно снести к обувщику и поставить свежие набойки. Пальто перелицовывались, каблуки переклеивались, кипятик в заварной чайник заливался по четыре-пять раз, до белого цвета. Скатерть штопалась, носки тоже. Из средней курицы делался скучный обед на пять дней. Бульон из костей — мясо обдиралось до крошки. А потом это мясо

мелко резалось, даже крошилось, и из него мама делала второе — тушила с картошкой или рисом, все. Немного соли — вредно для здоровья — и никаких специй — у всех больные желудки.

Мама пугалась, что у дочки нет аппетита — таскала бедную, заморенную и бледную девочку по всевозможным врачам — глисты? Кислотность? Катар желудка? Ничего, слава богу, не находили — так, низковат гемоглобин. «Гранаты, печенка, черная икра — все, справитесь быстро, — уверенно сказала участковая врач. — Таблетки давать не хочу, такие цифры легко поднимете продуктами!»

Мама расстроено молчала. Поехали на рынок. Аня была там впервые в жизни, и все ее потрясло. Какие розовобокие, крупные яблоки! Какие невозможно красивые и ароматные огурчики и помидорчики! Кислая капуста, соленые помидоры, черная и красная икра, копченая рыбка — вдруг захотелось всего и сразу! Аня глотала слюну.

Мама долго мяла гранаты, чем вызвала раздражение черноусого важного продавца. Долго и нудно торговалась и наконец взяла два некрупных. Аня видела, как насмешливо смотрел на них черноусый. Взяли и кусок бордовой блестящей печенки, пахнувший кровью. «Парная!» — важно сказала мама.

Но гемоглобин у Ани не поднялся, и на рынок они больше не ездили. На следующем приеме, сдав повторно кровь, удивили врачу.

— Странно! — растерянно сказала она. — Ну что ж, давайте таблетки!

Нет, родители Аню, конечно, любили. Как умели любить — себя, друг друга и весь окружающий мир, включая и ее, их единственную дочку. Позже Аня поняла — с аппетитом у нее всегда было нормально. Не любила она мамину еду, а вот еду Айвазянов...

В семье Айвазянов постоянно стоял дым коромыслом, как говорила Нина Константиновна. Частенько наезжала родня из Еревана и Масиса. По полгода гостила семья сестры из Цахкадзора. Сотрудники Аветиса Арамовича, студенты Нуне Аветисовны, подруги Нины Константиновны — дом гудел, как котел.

Без конца женщины торчали на кухне — лепили борачи, что-то вроде наших пельменей, ловко крутили долму, закладывая ее в семилитровые казаны, варили густой фасолевый мшош и арису — кашу из дзвара, пшеничных зерен и вареной курицы.

Аня с тоской вспоминала обеды и ужины в своей семье, а также завтраки: геркулес на воде — очень полезно — и овощной суп — Аня называла его «скучным супом». Паровые тефтели — профилактика гастрита, жидкие кисели, пюре на воде — молока чуть-чуть, полстакана. А уж масла ни-ни! Вареный хек — та еще гадость.

У Айвазянов она, «страдающая отсутствием аппетита», по твердому убеждению мамы, с радостью уплетала и долму, и борачи, и густые, пряные, ароматные

супы. Если бы мама видела! Глазам бы своим не поверила.

Гостей у Айвазянов любили, никогда от них, казалось, не уставали.

В Аниной семье гостей побаивались — у мамы округлялись глаза, когда она слышала, что на выходные приедет папина сестра из Костромы: «Господи, чем мы ее будем кормить?»

Анина мама боялась всего: грозы, жаркого лета, нехватки денег, кошек и собак, а также комаров и ос, родственников и насморка. Расстроить и довести ее до слез мог любой пустяк — дырка на чулке, перекипевший суп, косой взгляд начальницы, засохший кусок батона, подкисший творог и грустная концовка фильма или книги. Глаза ее тут же набухали слезами, и Аня беспокойно оглядывалась по сторонам — не видят ли люди? Стеснялась. Мама была болезненной, слабой и скромной — даже передать в автобусе мелочь на билет было для нее мукой и испытанием.

Мама с папой были похожи друг на друга как брат с сестрой, даже внешне — светловолосые, бледноглазые, белокожие. А уж характеры — папа тоже всего стеснялся, остерегался и шугался, даже со слесарем из ЖЭКа робел.

Но в целом жили неплохо. И уж точно — спокойно. В доме Айвазянов Ане казалось, что она попала в другой мир, где всегда шумно, громко, весело, смешно, интересно и очень вкусно. Как она всегда любила бывать